

ЗАЛОЖНИКИ

Завершая скорбную летопись

О романе «Час шестый»

Отшумели над крестьянскими избами ледяные ветры года «великого перелома». Каждый из героев в общей беде обрел свою судьбу, и горьки эти судьбы. Но жизнь есть жизнь, и входит она в свое новое русло при утихающем будто бы разливе своеволия властей, оставившем надолго сор и хлам, смятение и тоску. А жить-то надо, и герои примиряются, казалось бы, с необычным для себя состоянием и положением.

Вникая в их непривычные теперь, но и такие вековечные заботы и тяготы, Василий Белов как-то даже спокойно и умиротворяюще ведет повествование в последнем романе трилогии «Час шестый». Но нет, уже название говорит о том, что мера народных страданий не исчерпана. Тот час последних мучений Христа и для крестьян еще предстоит, но терпение, снова терпение... А может быть стойкость русских людей перед невзгодами, без которой просто не выжить древнему племени русичей?

Сдержанную радость и неприкрытую растерянность перед обстоятельствами, казалось бы, необоримыми испытывает Евграф Миронов, покидая тюрьму. Ну что за беда, денег нет и переночевать негде! Прикорнул возле чужого крыльца (благо, теплынь стоит) да подрядился золотарем несколько дней подработать, чтоб денег на проезд к дому хватило. Хоть и претит ему такая работа, но он, крестьянин, понимает необходимость любого дела. Только вот после, встречаясь с земляками, чистоплотный мужик застесняется крутым запахом, что принес он из города на себе, но и это преходяще.

Однако остался Евграф прежним, приветливым и доброжелательным,— этих его качеств и тюрьма не вытравила. И настоящей радостью согрета его встреча с односельчанами, пусть деревенские новости вовсе не утешительны. И родного дома он лишился, и многих в деревне не досчитался. Где-то в лагерях затерялись и Пашка Пачин и тесть его Иван Рогов; Данилы Пачина след простыл и от Гаврилы Насонова из лагерей ни одного письма нет...

Все-таки общая работа (сенокос! — правда, по-глупому ранний, травы не обсеменались) как бы возвращает его в прежний привычный мир. Вот только мельница запущена, как и дегтярный завод в Ольховице. Зато

семья встречает с искренней радостью, и Васька Пачин в отпуске собрался жениться на Тоньке-пигалице. И все так же безудержно хохмит Киндя Судейкин...

Они бесконечны, эти сельские новости, порою лишь вскользь отмеченные, и на первых же страницах дали возможность писателю вновь представить многих уже привычных нам героев трилогии. И все так же пахнут травы и животворным теплом делится с людьми неумное солнце. Жизнь продолжается, и пусть мужику, деятельному хозяину, надо решать заново вопрос о жилье, — ничего, он справится! Главное — выстоять, не согнуться, и вот он уже решает наняться в пастухи, что для доброго хозяина считалось зазорным. Что из того, нужда повелит, он и на то пойдет.

А «солнышко садилось в такой лазоревой, такой золотой широте родимого неба, таким теплым запахом высыхающих трав тянуло с пожен вместе с вечерней прохладой, что у Евграфа опять захватило дух: «Дома! Ведь он в Шибанихе! Ни тюрьмы теперь, ни чужбины... Слава богу...» И семейство садится за незатейливый ужин. Все как было от века. И прежнее доверие сохранилось к мужику: после тюрьмы, не глядя на подмоченную справку об освобождении, поставлен он в сельсовете на учет.

Много их будет, разных бытовых мелочей в «новом» евграфовом положении: избенку заброшенную прибрать, топор подходящий найти и привести в порядок, печь ладить, да что там — умыться не из чего, — таковы ли прежде были заботы крепкого хозяина! Но он берется за все, и всему семейство его обездоленное радуется. Радуют и соседи — не присвоили упрятанный в яму сундук с палашкиным приданым, — не у всех еще растеряна совесть.

Только вот в колхозе путевого порядка нет как нет. И чего далось Игнахе Сопронову привязаться к последней единоличнице Самоварихе? Да ведь чувствует «ущемление» своей власти (хоть и ходит пока «без портфеля»): не слушается старая и за словом в карман не лезет! А силосование идет со скрипом (кто же умный станет в погожую погоду силосовать, а не сушить). И районные власти (знакомые нам следователь Скочков и теперь уже предрик Микуленок) требуют вести подписку на заем, взимать страховку и гарнцевый сбор (за пользование мельницей), кроликов разводить, — мало ли у них, властей, «потребностей»! Нужды деревни они и знать не хотят и во всем «берут на горло», наверное потому всем-то гуртом не могут справиться со строптивой Самоварихой, а не то что общее собрание колхоза собрать в сроки им угодные.

Как ни пугают власти народ, уже вроде бы вовсе запуганный, а у мужиков свое словцо завсегда найдется. Бьет, к примеру Нечаев комаров-кровососов, вопрошает, «откуда их столько набралось?»

— Как откуда? — кротко заметил Жучок. — Все из райёна летят, больше неоткуда... Вон, говорят и Ковка Микулин присвистал».

Нет, не изменяет юмор мужикам, прибаутки сыплются сами. С усмешками воспринимают на собрании даже заявление Евграфа Миронова с просьбой назначить его пастухом. Похохмили вволю да и назначили, то есть выбрали... председателем колхоза! Это вчерашнего-то арестанта. А начальство районное хоть и в страхе перед вышестоящими за такое самовольство, а против воли колхозников пойти не решились.

А жизнь деревни идет заведенным порядком. Женится матрос Василий Пачин, надоедает Вере Роговой «влюбленный» Акимка Дымов, тешит народ своими частушками Акиндин Судейкин. И вдруг событие тайное и неординарное: появляется Павел Рогов, сбежавший с поселения, — это одна из главных сюжетных линий романа «Час шестый». Он вынужден скрываться, дав о себе знать лишь немногим, а пристанище находит в далекой лесной избушке деда Никиты. Их диалоги важны для понимания сути романа.

За всех грешных молится дед Никита, прося Господа очистить их «от всякой скверны». И убежище его подобно часовне, с крестом на крыше, а кругом глухая тайга, болото и на нем золотые морошковые россыпи да заросли черники. От мира ушел сюда дед как в скит, а внуку тем не менее твердо внушает:

«— Иди в деревню-то... Как только заживут ноги, так и иди. А сапоги попроси займы... у Еграши.

— Нельзя, дедушко, мне к нему показываться!

— Дак товды не надо было и Печору кидать!»

А следы Пашки мужики углядели-таки на лесной дороге. И устроена погоня за ним с милиционером да Игнахой Сопроновым во главе, но бестолково — то ли из безалаберности, то ли из скрытого сочувствия беглецу, который покинул избенку за день до прихода мужиков. А те избенку нашли и подстрелили деда Никиту. И лежал он на ягоднике, и его «лицо будто бы улыбалось, радуясь новому состоянию». И припоминаются его слова, сказанные внуку: «Кабы прежнее время, ушел бы я к Мартемьяну да Ферапонту. А кабы прибрал меня Господь во свои дворы, дак и тово бы лучше». Вот теперь его желания осуществились, и святая душа старика нашла путь к Богу.

А Павел Пачин зашел к Володе Нечаеву, встретился с женой Верой. Напоследок подошел к мельнице. Ветер как раз вышиб подпорку, державшую крылья, и они вдруг «пошли в обратную сторону», переломав весь механизм. С уходом настоящего хозяина приходит конец и его творению. Сквозной образ-символ эпопеи получает свое завершение.

Исчез Павел Пачин из жизни Шибанихи, нет, не сгинул, а нашел себе место на чужбине, куда вызвал и жену с детьми. Мало-помалу разбегались и другие его односельчане, а иные уходили в мир иной. Братья Пачины и Нечаев погибли на войне, сгодились-таки Родине, властители которой были так к ним безжалостны. Бесконечен перечень утрат, в результате которых «Шибаниха исчезла из нашего мира», как и тысячи российских деревень. И реквиемом звучат слова Василия Белова:

«История деревни смахивает на дурной сон. Трагична, безжалостна судьба буквально каждого крестьянского двора, каждой семьи. Из этого правила исключений не существует».

Несколько глав В. Белов посвящает в романе «Час шестый» и кремлевским владыкам, их политической возне. Кинув крестьянство, этот корневой слой нации, в жертвенный залог «мировой революции», а точнее — своим низменным целям, они не заметили, как сами превратились в заложников деструктивных мировых сил.

Произошло это в два жестко определенных этапа: начало годов тридцатых и наши годы на грани тысячелетий. А между основными вехами — менее заметные вроде новаций Хрущева или централизации села с уничтожением «неперспективных» деревень.

Наследники тех, кто гробил крестьянство и в тридцатые, и в шестидесятые-семидесятые годы, без сожалений расстались с идеалами Великого Октября, частично фальшивыми, частично оболганными. Они сменили одни кресла на другие, впрочем, и кресла-то порою остались те же — лишь названия должностей поменяли да новые места пришлось придумать для шпаны, без которой оказалось невозможным разделить ворованный «пирог». Не случайно же число чиновников-управленцев за десять лет выросло вчетверо. Попробуй, накорми их, утешь безразмерные аппетиты! Тут невольно для обездоленных придется «искать деньги под фонарем», не обращая внимания на очевидное. А наши СМИ и TV, прежде всего, будут с безудержным восторгом заниматься мистификациями.

Впрочем, ныне «реформаторы», а точнее — разрушители, надеясь на свой безусловный успех, бегут навстречу деструкции, не желая замечать,

как лакомый пирог уплывает из их жадных, вороватых рук. Да, «закладные» уже в изряднейшей мере перепроданы «за бугор» по таким «правилам игры», которые для людей с нормальным здравым рассудком абсурдны. Ведь только абсурдизм и может объединить «новых русских», их приспешников и холуев под развесистой сенью глобализации.

Увесисты и горьки плоды раскрестьянивания.

«Вернуть утраченный крестьянский лад — невозможно, в этом убеждают произведения Василия Белова,— пишет критик Владимир Бондаренко.— Но на основе тысячелетием органически сложившегося уклада, с его устойчивым «космоцентрическим» социальным равновесием, мы сможем быстрее обрести свой новый отечественный вариант социального и экономического развития общества, опираясь на те же самые традиционные ценности. И потому, я глубоко убежден, что такие традиционные произведения, как романы, рассказы и повести Василия Белова,— не дань отжившему времени, не этнографический интерес к прошлому, а единственно возможный для всех нас путь в будущее».

Строгие и обнадеживающие в чем-то строки...

Да, горечь утрат на пути любого человека неизбежна, но едва ли не более тяжка утрата надежд. С крохотного и чрезвычайно емкого этюда «Не гарывали» (1968), который по праву можно назвать прологом к мощной эпопее-трилогии «Час шестой», Василий Белов основательно исследовал сложнейшие проблемы русской национальной жизни и понял их глубже, чем профессионалы-историки, постигая истину в жизненных процессах. А истина сладенькой не бывает, зато помогает прозревать будущее.

И в наши годы, когда ржавое колесо истории вопреки воле народа вдруг нелепо повернули вспять вместо того, чтобы просто отказаться от всяких «изм'ов» и обрести здравый смысл, жить надеждой все труднее. Вряд ли история простит такую вздорную самодеятельность, но новые «герои» и помышлять не хотят о последствиях. Как, может быть, никто другой, Василий Белов понимает суровый драматизм последних лет, хотя сознать торжество безобразия мучительно для творца.

Многие из нас надеялись на новые пути развития России в новое время, и они были, иные пути, но оказались невостребованными. Тем труднее подводить итоги нашему поколению, и все-таки верно говорят издавна, что надежда умирает последней. И сердце не мирится с невиданным разгулом стяжательства и подлости, казалось бы, уже полонивших растерянных россиян. Сердце не мирится с беспределом, нагло отрицаю-

щим не только тысячелетние народные мечты, но и вечную веру в торжество справедливости, которой питалась вся мировая культура. И обращаясь к страницам Василия Белова, в глубинах народной жизни, им первоначально воссозданной, мы ищем почву для надежд.

Итак, найдутся ли те, кто почувствуют в себе смелость и силу, чтобы вековые «закладные» были ликвидированы? Тогда народ снова обрел бы себя, а Россия надежно утвердила свое достоинство в мире и былую мощь, никем не оспоримую, но мирную и созидательную. Этому ждут истинные хозяева России, у кого прочны национальные корни. Этот пафос создал великое русское искусство в XIX веке, всемирно признанное и почитаемое.

Кто же, ну — кто?..

Апрель, 2003